

28.07.2020

ФОНЯЩИЕ СТЕНЫ: ЧТО СТАЛО С СЕКРЕТНОЙ ЛАБОРАТОРИЕЙ, ГДЕ УЧЁНЫЕ-ЗЭКИ ИЗУЧАЛИ РАДИАЦИЮ

С «Лаборатории Б» начинался Снежинск — закрытый городок под Челябинском

Артём Краснов

Непонятный прибор и книга «Жизнь Клим Самгина» 1956 года издания. Впрочем, в тот год «Лаборатория Б» уже была расформирована. Фото: Артем Краснов.

По лазу высотой метра полтора я лезу в кромешной темноте, на которой светодиодный фонарик оставляет карусели световых пятен. Здесь душно, влажно и слегка тошнотно. Говорят, лаз ведёт от жилого корпуса прямо в подвалы «Лаборатории Б», но едва я делаю пару шагов, как некая хрень выскакивает на меня с диким лаем из-под висящей небрежно шконки. С перепугу я гавкаю в ответ.

На самом деле тьма там кромешная. И срач не меньший. Фото: Артем Краснов.

Налетишь носом на такой «артефакт», и хочется на воздух. Фото: Артем Краснов.

Я был уверен, что на меня наскочила собака: времени соображать, откуда бы она взялась в подземелье бывшего санатория НКВД, не было. Когда шок рассеялся, я понял, что собака Баскервилей, как и положено, оказалась ряженой — на самом деле на меня прыгнул владелец здания и мой экскурсовод Алексей Липатников, который таким образом добавил в наш тур

немного перца. Страшное место, страшная экскурсия. Предварительно он спросил, можно ли меня пугать, и я по наивности согласился. Ну да ладно.

Алексей Липатников демонстрирует ещё один «артефакт» — колпак уличного фонаря. Фото: Артем Краснов.

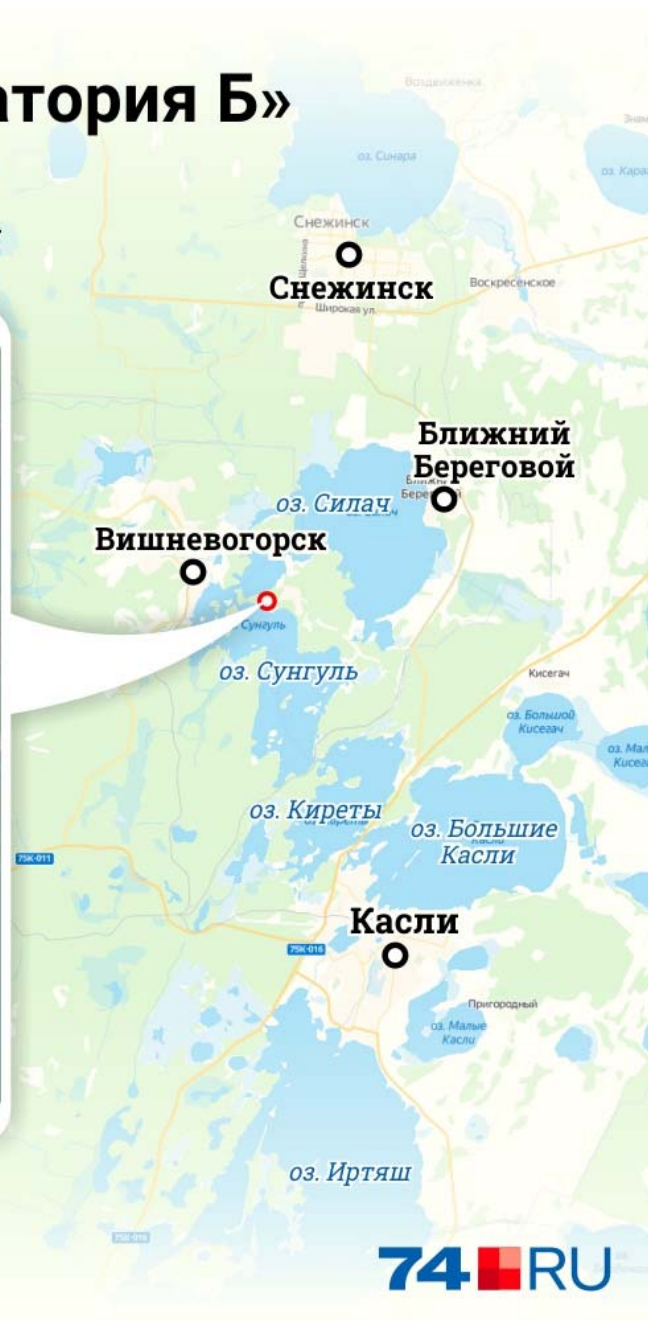
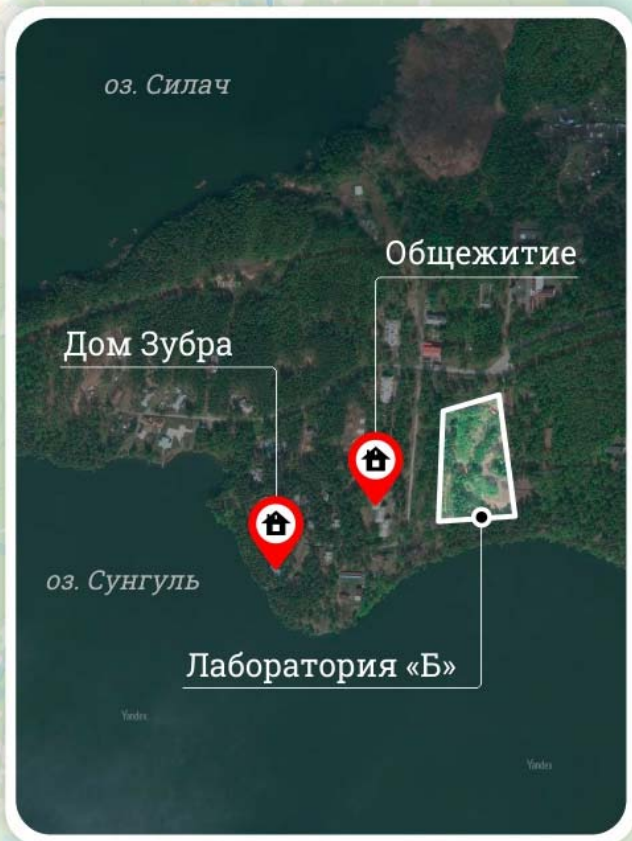
Интереснее вопрос, как стать владельцем здания, расположенного на земле ЗАТО Снежинск? Здания, которое с 1947 года было общежитием засекреченной лаборатории и охранялось почти как Кремль? Оказывается, земля по-прежнему входит в состав снежинского ЗАТО и арендуется, а вот само здание давно рассекречено и находится в собственности Алексея ещё с 2008 года. Он планировал организовать здесь детский лагерь, но инвестор из-за кризиса передумал. В итоге трёхэтажный особняк, который помнит многих участников советского атомного проекта, используется сейчас как летняя дача Алексея, а ещё — место таких вот экстрим-экскурсий.

Трёхсекционное здание 1935 года постройки сначала было санаторием НКВД, в годы войны — госпиталем, а после — жилым корпусом «Лаборатории Б»: секретного объекта и предтечи Снежинска, где осужденные учёные и пленные немцы изучали воздействие радиации на живые организмы. Фото: Артем Краснов.

Секретная «Лаборатория Б»

Здесь изучали радиацию
и запрещённую генетику

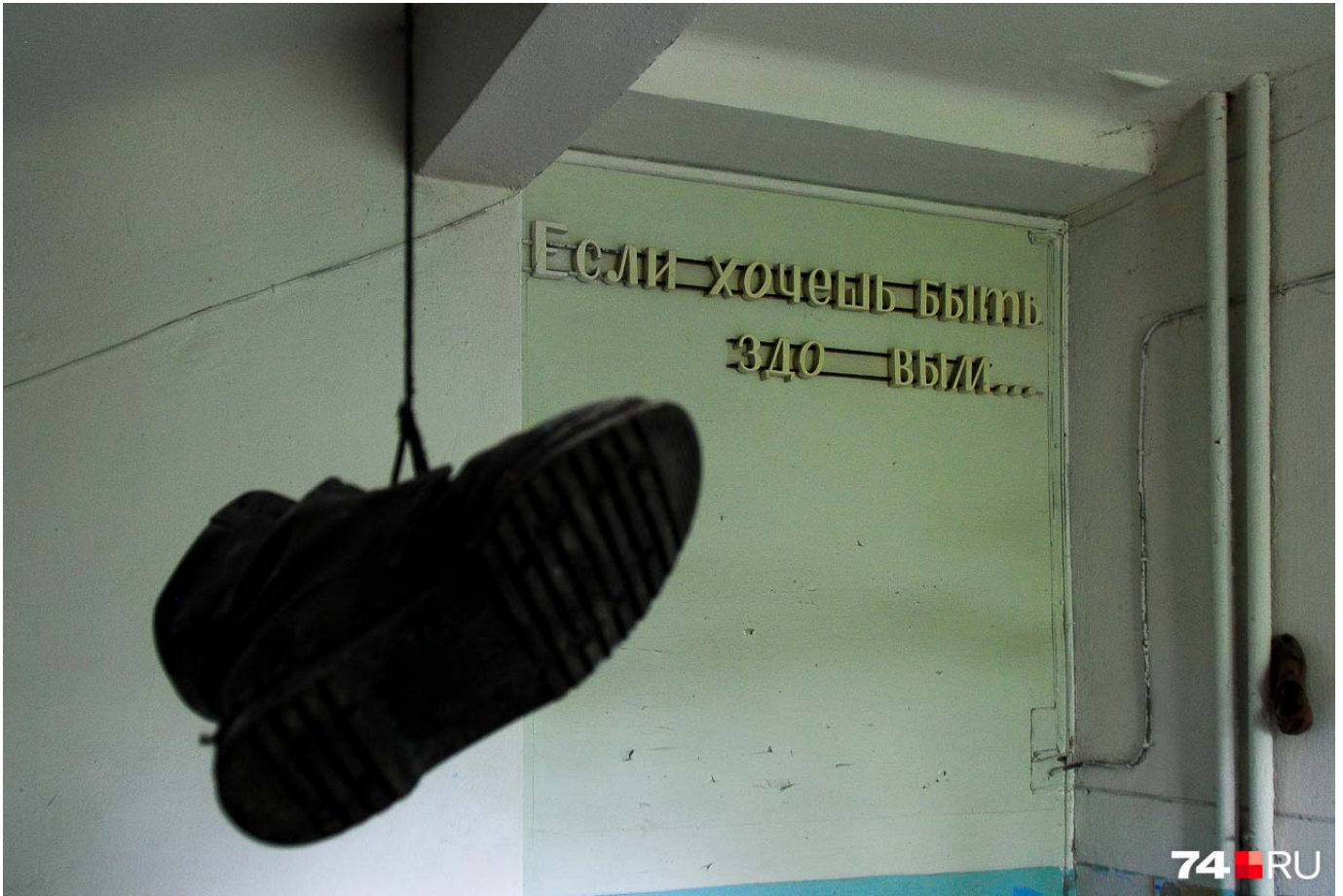

По данным, собранным редакцией

74RU

Фото: Дмитрий Гладышев (инфографика).

О «Лаборатории Б» я читал и слышал много раз, в том числе при подготовке материала о заражённой реке Теча. Имидж у места зловещий: здесь с 1947-го по 1955 год травили радиоактивной химией разную живность и проводили эксперименты с целью выяснить, как радиация влияет на биологические системы и как от неё защититься. Здесь разрабатывали antidotes, определяли допустимые дозы облучения и наблюдали мутацию организмов.

Надпись, наверное, ещё санаторных времён. Фото: Артем Краснов.

Здесь облучались и сами учёные, хотя, вероятно, не так сильно, как на расположенном по соседству в Челябинске-40 (Озёрске) комбинате, где в эти же годы под руководством Игоря Курчатова в дикой спешке получали плутоний для первых советских атомных бомб. Именно кислотная радиоактивная жижа, остающаяся после работы уранового реактора, служила сырьём для «Лаборатории Б» — так называемый «продукт-903», содержащий множество изотопов с разными характеристиками.

Река Теча недалеко от ПО «Маяк»: примитивным дозиметром мы намерили здесь 500–600 мкР/час при среднем значении для наших мест — 10–30 мкР/час. Не смертельно, но и небезопасно. Фото: Артем Краснов.

Кстати, заражение реки Течи, которое началось с запуском реактора в Челябинске-40, сфокусировало внимание учёных и на проблемах загрязнения воды. В целом же круг тем был невероятно обширен: от технологии получения люминофоров до изучения хромосомных aberrаций под действием излучения.

Состояние жилого корпуса плачевное. Сталкеры любят такие руины, но коль скоро место общедоступно и «загрязнено» новодами (телевизор явно не 40-х годов), атмосфера места уходит. Фото: Артем Краснов.

Сегодня, после Кыштымской аварии, Чернобыля и массы других катастроф, мы имеем представление о воздействии радиации на организмы, о допустимых дозах и биологической разнице между гамма-, бета- и альфа-излучением. Но «Лаборатория Б» начала работу до появления первой советской атомной бомбы, когда о радиации знали лишь, что она опасна. Один из бывших сотрудников ПО «Маяк», рассказывая мне о «Лаборатории Б», упомянул такую закономерность, открытую в то время:

— Если, например, принять заражение донных отложений за 100%, то уровень заражения воды будет 10%, уровень заражения трав вокруг — 1%, уровень заражения животных, которые поглощают эту траву, — 0,1%, и так далее: на каждом этапе концентрация падает на порядок. Вроде бы почти очевидно, но, чтобы доказать эти зависимости, нужны долгие опыты.

За такой снимок в те годы можно было присесть лет на десять... Фото: Артем Краснов.

Ещё интереснее, кем были сотрудники «Лаборатории Б». С одной стороны, почти сплошь осужденные «изменники Родины», антисоветчики и немецкие пленные. С другой, эти же люди были цветом науки того времени, которым позволяли куда больше, чем обычным учёным без клейма изменников.

74 RU

Одна из жутковатых комнат, стилизованная под прозекторскую. На самом деле здесь была столовая. В целом антураж компьютерных игр с оторванными конечностями не воспроизводит атмосферу времени, какой она описана в книгах героев тех лет. Фото: Артем Краснов.

От здания общежития мы идём вдоль берега Сунгуля, где понастроили современных дач и планируют застраивать дальше. Однако несколько домов здесь сохранилось в почти историческом виде, и самый привлекательный — вот этот.

Восемь лет в этом доме жил Николай Тимофеев-Ресовский (с 1947-го по 1955-й), о чём напоминает табличка справа от двери. В этом же доме жил Евгений Забабахин, в честь которого назван РФЯЦ ВНИИТФ — градообразующее предприятие Снежинска. Фото: Артем Краснов.

Это дом Зубра — учёного-биофизика Николая Тимофеева-Ресовского, о превратной судьбе которого наше поколение знает благодаря повести Даниила Гранина «Зубр». В 30-х годах Тимофеев-Ресовский работал в институте мозга в Берлине, находясь в длительной командировке, а в 1937 году отказался возвращаться в СССР, где шли зачистки среди учёных, особенно — генетиков. В 1945 году этот факт будет интерпретирован против него, Зубра арестуют в Берлине и осудят на 10 лет за измену Родине. Он попадёт в Карлаг (трудовой лагерь в Карагандинской области), где пробудет недолго, 107 дней, но с драматичными последствиями: здоровье его будет подорвано, а зрение резко ухудшится.

Окно эркера в комнате Зубра. Его семья занимала несколько комнат, что было привилегией: вообще такие коттеджи делили на четверых учёных. Фото: Артем Краснов.

Спасёт Зубра, как и многих опальных учёных, начало атомного проекта СССР, который проходил в авральном режиме и требовал компромиссов с точки зрения суровой идеологии. В 1947 году, после лечения в госпитале МВД, Тимофеев-Ресовский возглавит биофизический отдел «Лаборатории Б», где проработает восемь лет с присущими ему энергией и напором. Впоследствии он назовёт уральский период своей биографии (связанный также со Свердловском и биостанцией в Миассово) одним из самых плодотворных.

А это дом Сергея Вознесенского, ещё одного советского учёного, осуждённого за антисоветскую деятельность. Вознесенского для краткости называют «изобретателем противогАЗа»: он был одним из участников испытаний этого средства защиты ещё в годы Первой мировой войны. Фото: Артем Краснов.

Уникальным был и сам статус «Лаборатории Б», этакого островка свободы сталинского периода. В лаборатории работали в основном биологи и генетики, и уже через год после её создания состоялась знаменитая августовская сессия ВАСХНИЛ 1948 года под предводительством Трофима Лысенко, окончательно поставившая вне закона не только генетику, но и многие области биологии (включая актуальную нынче вирусологию). Дрозофилы стали дефицитом, менделизм — ругательством, а исследования наследственности — лженаукой. «Лаборатория Б» оставалась одним из немногих очагов, где генетикой не то что можно было полноценно заниматься, но хотя бы иметь её в виду. Здесь, как в защитной капсуле, сохранился образ мысли, который признавал наследственность одной из черт живых организмов. Это помогло учёным сохранить навыки, включая опыты с запрещёнными дрозофилами, и вернуться к полноценным занятиям генетикой впоследствии.

Плитка того времени. Фото: Артем Краснов.

С одной стороны, эта вольность оправдывалась спецификой работы: радиационное воздействие тесно связано с наследственностью, и лысенковская концепция привела бы к разного рода парадоксам вроде «если вы отравились заражённой водой, попейте чистой воды, и потомство будет здоровым» (среда в его представлении была первичной). Поэтому генетику в «Лаборатории Б» учитывали, пусть и как бы между строк. Но были и перекосы вроде чтения лекций с лысенковским уклоном, с которых Зубр в сердцах уходил.

Пролысенковские лекции Зубр слушал примерно так. Фото: Артем Краснов.

Была у вольности и более практическая причина. Например, энкавэдэшный директор лаборатории полковник Александр Уралец, о котором известно не так много и в основном со слов самих учёных. Он, судя по всему, обеспечил им изрядную «крышу», ограждая от влияния внешней среды, бюрократической, токсичной, нацеленной на поиск инакомыслящих. Уралец не вмешивался в работу учёных, но при этом слушал лекции Зубра, чтобы хоть отчасти понимать язык подчиненных. Это пример того, как человек остаётся человеком на должности, позволяющей безнаказанно человеком не быть.

Дом Николая Рилья — известного немецкого физика, который внёс большой вклад в советский атомный проект. Два года он был научным руководителем «Лаборатории Б». Фото: Артем Краснов.

В общем, в «Лаборатории Б» сложилась особая «химия» отношений, что вкупе с уральской природой превратило срок, проведённый здесь (а многие, по сути, отбывали наказание) в своего рода курорт, физический и интеллектуальный. Немецкий физик Николай (Николаус) Риль, один из участников немецкого ядерного проекта, а позже — аналогичного проекта СССР, свою книгу о годах советского плена назвал «Десять лет в золотой клетке». Вот фрагмент его записей о двухлетнем периоде в «Лаборатории Б»: «Чтобы перейти к более приятным вещам, нужно сказать, что Сунгуль находится в прекрасной местности. Институт, жилые дома и все вспомогательные здания находились на лесистом, частично скалистом узком полуострове, имеющем несколько километров в длину. На находящемся рядом озере было много островов. На западе открывался прекрасный вид на Уральские горы. Прелестный дом, в котором я жил со своей семьёй, стоял на крутом берегу озера. Если бы не было чувства, что мы находимся под замком, всё было бы совсем по-другому. С береговой стороны полуостров был окружён колючей проволокой, а по берегу озера стояли часовые со сторожевыми собаками. Мы, немцы, могли покидать полуостров только с сопровождающим, а заключенные вообще не могли, кроме самых исключительных случаев (по болезни). Поэтому мы наслаждались прекрасной природой в условиях больших ограничений».

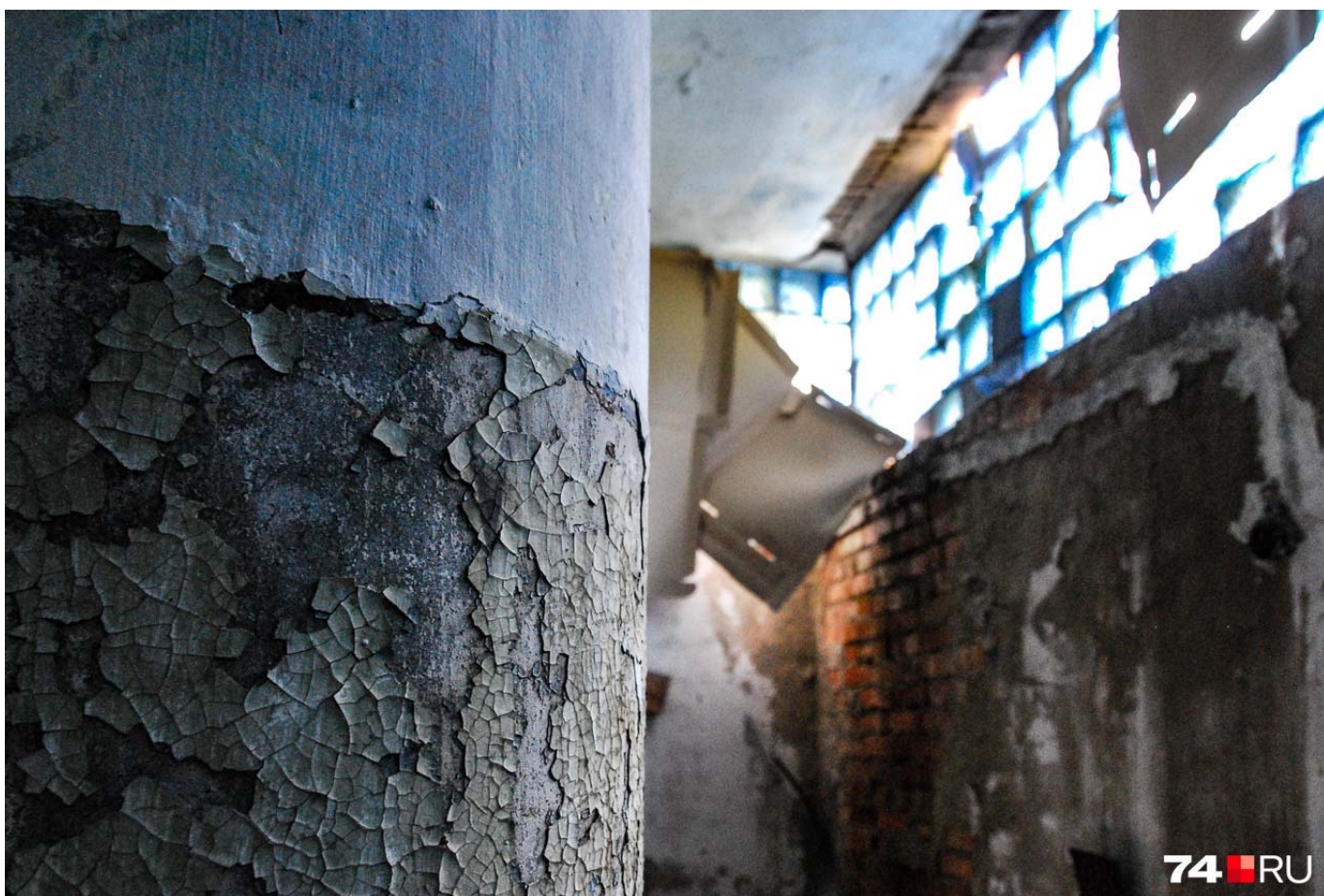
Лаборатория находилась на берегу озера Сунгуль с его живописным многослойным фоном. Фото: Артем Краснов.

Сам Николай Риль был захвачен в Германии после войны и, поскольку являлся специалистом по изготовлению чистого урана, стал не классическим пленным, а участником атомного проекта СССР. Под его руководством коллектив учёных-немцев на заводе № 12 в Электростали получил металлический уран для первого атомного реактора в Челябинске-40. После успешного испытания атомной бомбы в 1949 году статус Николая Риль стал двояким: с одной стороны — пленный, с другой — Герой Социалистического Труда, пользующийся личным признанием Сталина.

Плакат, по утверждению владельца дома Алексея Липатникова, настоящий. Фото: Артем Краснов.

После этого началось двухлетнее научное руководство «Лабораторией Б», и согласие на должность Риль дал не в последнюю очередь из-за Тимофеева-Ресовского, которого знал ещё с Германии. Кроме того, Риль подкупили уральская природа и обстановка в коллективе. Отдельно в своих воспоминаниях он отмечает упомянутого выше директора Александра Уральца, «сердечного и умного человека», но не только: «Большинство настоящих русских не имеет склонности и не испытывает никакого интереса к оформлению своего естественного окружения, — пишет Риль. — Часто они оставляют запущенными свои сады, кладбища, территорию вокруг дома. Во время форсированной советской индустриализации это стало проявляться ещё сильнее. Уралец же, наоборот, не жалел усилий, чтобы построенный для работников института посёлок органически вписывался в прекрасное естественное окружение. Он сражался за каждое дерево, которое хотели бы срубить, недолго думая, строители».

Кажется, таких вот Уральцев нам не хватает и сейчас. Он был бы в ужасе от того, во что мы превратили оставшееся в наследство здание. Фото: Артем Краснов.

Это одна из постановок в потайной комнате, куда ведёт узкий ход через стенной шкаф. К реальным событиям отношения не имеет, но будоражит интерес поискать мрачные тайны этого места. Фото: Артем Краснов.

Пока мы ходим по окрестностям лаборатории, трудно избавиться от ощущения двойного дна. С одной стороны, подлинный инкубатор науки, где советские учёные представлены в лучшем виде. С другой, жутковатое место, где токсичной химией травили растения, грызунов и самих себя. Остатки радиоизотопов и биоматериала утилизировались здесь же, а как именно и в каком количестве — вопрос отдельный. Слишком глубоко здесь лучше не копать — в буквальном смысле.

Да и копать особо не надо: под зданиями идут коммуникационные тоннели, говорят — на километры. В последние годы большинство из них должны были заглушить. Фото: Артем Краснов.

Кстати, в Советском Союзе была ещё одна лаборатория с похожими задачами в форте Ино под Санкт-Петербургом: там исследовали влияние радиации на животных ради строительства «грязной бомбы». В Союзе её разработкой занимались до получения нужного количества полноценных атомных бомб. Местность возле форта Ино оказалась загрязнена радиоактивными веществами, которые сочлись изо всех пор.

Проходная на территорию самой лаборатории. Фото: Артем Краснов.

Что касается «Лаборатории Б», в полноценном виде она просуществовала до 1955 года, а потом на 20 лет была практически забыта. Дезактивация началась в конце семидесятых, и процесс растянулся ещё на 15 лет, по истечении которых основные постройки снесли и засыпали грунтом. Следы радиационного заражения находили повсеместно, поэтому решили, что безопаснее превратить место в могильник. Сейчас он огорожен забором, за которым — лишь кусты и деревья. А ещё — множество колодцев, ведущих в подполья, куда лучше не залезать: остаточная радиация наверняка есть до сих пор.

74 RU

Этот мох, вполне вероятно, содержит остаточные радионуклиды вроде стронция-90 или цезия-137. Период полураспада обоих 30 лет, то есть за истекшие 60 лет от изначального количества остаётся четверть (естественно, во мху концентрации будут на порядки ниже, чем в условной лабораторной капсуле). Фото: Артем Краснов.

74 RU

Мы приближаемся к ограде заражённой зоны. Таблички в изобилии — это хорошо. Фото: Артем Краснов.

Проход на самую территорию закрыт, и желания нарушать запрет нет: за забором ничего интересного.
Фото: Артем Краснов.

Все строения снесены, засыпаны и за 30 лет заросли. Но именно на этом месте всё и происходило.
Фото: Артем Краснов.

В земле много провалов и колодцев. По просьбам местных жителей их блокируют от пацанов, иногда — вот такими кустарными (в прямом смысле) методами. Фото: Артем Краснов.

Но токсичный след остался не только в виде радиации. Если Николаус Риль и Николай Тимофеев-Ресовский приняли реальность, где они были одновременно и заключенными, и научными лидерами, то были и те, кому смириться не удалось. В воспоминаниях Риль меня зацепила страница, посвящённая Сергею Царапкину — ещё одному учёному, который был доставлен вместе с Зубром из Карлага. В отличие от многих, Царапкин не стал работать в русле, предлагаемом руководством лаборатории, что сулило смягчение приговора: Зубра, например, освободили из заключения через пять лет после ареста, в 1951 году. Сергей Царапкин же отказывался сотрудничать и вёл собственную работу по запрещённой теме — генетике. Николай Риль написал о Царапкине так: «Он думал, что кто-нибудь когда-нибудь выкопает из сейфа его записи по генетике и оценит их, и только это было ему важно. (чтобы не отнимать у него последние остатки жизненной энергии, я умолчал о своём опасении, что его записи, по всей вероятности, вытащит из сейфа кто-нибудь, работающий с секретами, перевяжет шнурком, опечатает и спрячет так надёжно, что никакой специалист не сможет их никогда прочитать)». Видимо, так и произошло: о генетике Сергея Царапкине мы знаем лишь из отрывочных воспоминаний коллег. С Зубром он не ладил, но причины этой неприязни до конца неясны и выходят за рамки сосуществования в «Лаборатории Б».

Здание КПП на выезде с полуострова Мендаркин: заключённые, включая Зубра, могли пересекать эту границу только по не дай бог каким причинам. Фото: Артем Краснов.

Как не ладил с Тимофеевым-Ресовским и таинственный Д., герой книги «Зубр», история которого тоже занимательна, но не раскрыта до конца. В глазах одних он был предателем, который строчил на Тимофеева-Ресовского доносы, сам же Д. утверждал, что стал жертвой Зубра, не терпевшего конкурентов, сопоставимых с ним по одарённости. Вероятно, эти стены помнят драмы похлеще «Игры престолов».

74 RU

Ещё один коттедж того времени: остекление эркера уже современное, но в остальном красиво. Фото: Артем Краснов.

Читая о «Лаборатории Б», я, к своему стыду, не думал, что в её окрестности можно так свободно попасть. Казалось, место засекречено навечно. Впрочем, и его посещение оставило смешанное впечатление, потому что новое и старое смешалось здесь в какой-то неправильной пропорции. В бывшем доме Тимофеева-Ресовского, например, живёт семья, и на заднем дворе молодые люди пьют водку. В принципе, их дом и их водка, но всё же...

Окрестности дома Тимофеева-Ресовского: здесь идёт другая жизнь. Фото: Артем Краснов.

Впрочем, коттеджи учёных хотя бы в добротном состоянии, а вот трёхэтажный жилой корпус хоть и используется как дача, похож на съёмочную площадку фильма ужасов, под который и косит. И не только из-за состояния, но и попыток владельца превратить его в «комнату страха»: здесь повсюду разбросаны муляжи трупов, на стенах — следы «крови». Нет, я не против подобных страшилок, но в данном случае они создают ложное впечатление: бывший санаторий НКВД видел разное, но всё же пыточные камеры и трупы по углам — это про что-то другое.

74 RU

Уместны ли такие страшилки именно здесь? Сделано это, по словам владельца, чтобы заинтересовать школьников, которых водят сюда на краеведческие экскурсии. Ну не знаю.... Фото: Артем Краснов.

74 RU

Облик самого здания вызывает печаль иного рода: интересная архитектура, но состояние.... Фото: Артем Краснов.

Здание является выявленным объектом культурного наследия, но в реестр ещё не включено. Фото: Артем Краснов.

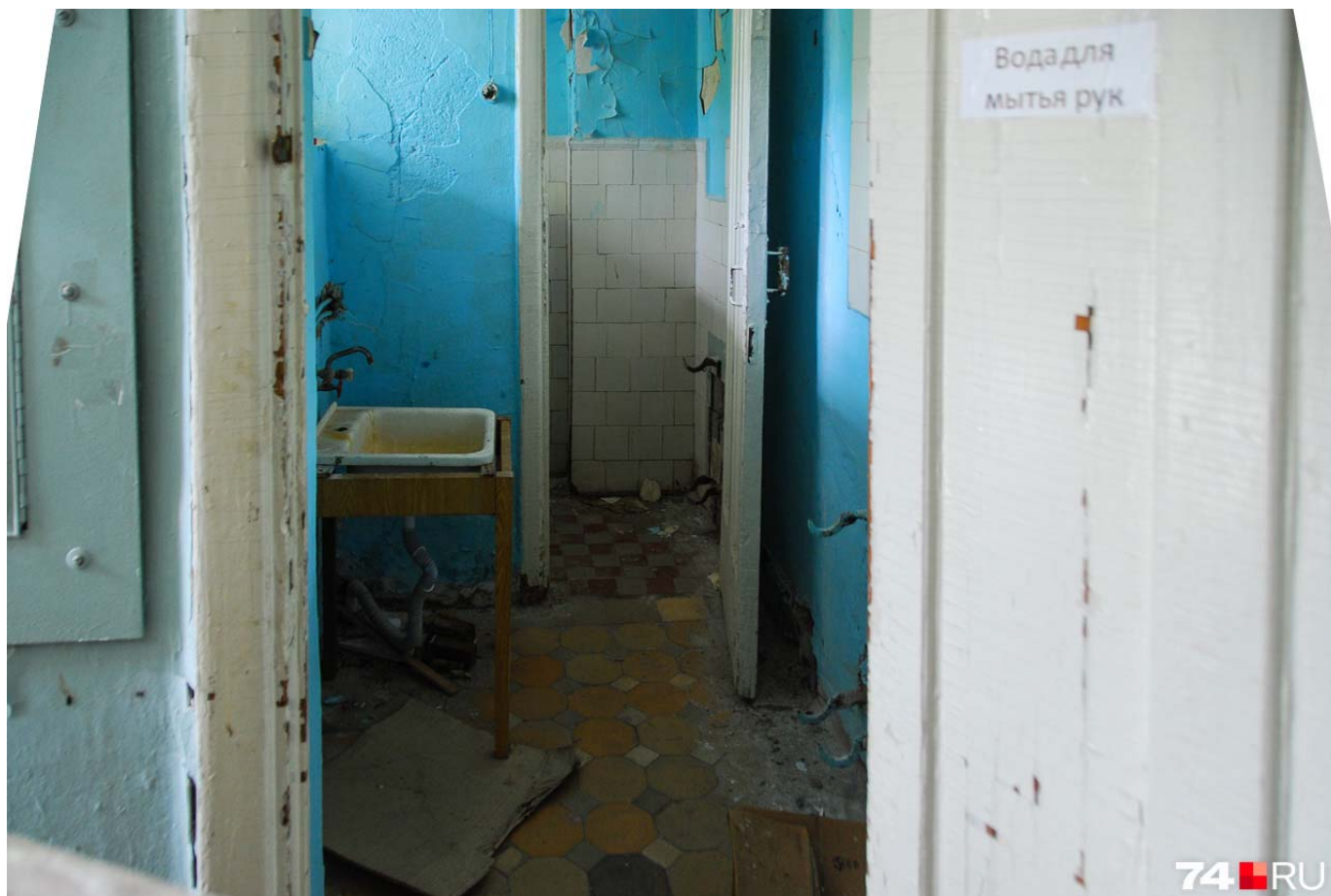
Снести нельзя реставрировать. Запятые расставьте. Фото: Артем Краснов.

Внутри дом выглядит так, будто его готовят к сносу. Фото: Артем Краснов.

Здесь есть гостевые комнаты, так что любители острых ощущений могут обращаться напрямую к Алексею Липатникову. Фото: Артем Краснов.

Вода есть, электричество есть. Но в остальном жутковато. Фото: Артем Краснов.

Кое-где сохранились орнаменты советского времени. Фото: Артем Краснов.

А вот изоляция территории, на которой была сама лаборатория, — решение наверняка правильное. Скажем, к речке Тече подойти можно беспрепятственно и по незнанию получить дозу, здесь же территорию хотя бы огородили и обозначили.

Забор и знаки: случайно на заражённую территорию не попадёшь. Фото: Артем Краснов.

Идея витает в воздухе: бывшая территория «Лаборатории Б» — естественное место для какого-нибудь музея. Хотя «музей» звучит скучновато: пусть это будет некая «зона отчуждения», куда, как в Припять, можно съездить на экскурсию и узнать об историях, часть которых леденит душу, часть вдохновляет. Тем более и места в самом деле курортные (с поправкой на климат и погоду).

Котельная — одна из уцелевших построек, которую со дня на день снесут (вроде бы под строительство коттеджа). Фото: Артем Краснов.

АВТОР:
Артём Краснов